

Воз. Москва. — 1936. — 1 июня

МАСТЕРСТВО КЛЕМПЕРЕРА

Проф. Генрих НЕЙГАУЗ.

В самой внешности этого человека есть что-то монументальное. Когда перед оркестром вырастает массивная фигура **Отто Клемперера**, едва заметным движением руки дающего вступление, сразу настораживаешься и непременно ждешь чего-то грандиозного.

Клемперер не обманывает этих ожиданий. Монументальная мощь, мужественная сила — его стихия.

Иные музыканты, слышавшие Клемперера в прошлый его приезд (это было семь лет назад), склонны обвинить дирижера в появившейся якобы у него «сухости», повздыхать об утрате былого темперамента.

Да, Клемперера действительно отличал в былые годы неукротимый, стихийный темперамент. Сейчас — это укрощенная стихия. Клемперер стал спокойнее. Но это не спокойствие пресыщения или увядшей юности. Это — спокойствие обретенной мудрости.

Ясная мысль, железная воля — вот главное в творческом облике замечательного мастера. У Клемперера ст природы поразительной красоты пластический жест. Он никогда не позволяет себе «кокетничать» этим даром. В его движениях — ни малейшего намека на «виртуозничанье». Они скупы, почти аскетичны, но с предельной ясностью обнажают мысль художника.

Те, кто хорошо знают партитуры Бетховена, которому Клемперер посвятил все свои концерты, узнают их во всей художественной неприкосно-

венности. Ни одного посягательства ни на одну бетховенскую ремарку! Бетховен, для кого музыка была «откровением более высоким, чем наука и философия», говорит у Клемперера тем самым языком, каким говорил он тогда, когда собственноручно писал свои партитуры.

Может показаться на первый взгляд, что Клемперер затягивает темпы бетховенских симфоний. Это глубоко неверно. Пусть справятся и оригинале. В последние годы стало почти традицией непомерно убыстрять эти темпы (вспомним исполнение Бетховена Оскаром Фридом). Клемперер возвращает симфониям Бетховена их подлинный темп. От этого они не звучат для нас «скучнее». Напротив, трактовка Клемперера нам особенно близка, ибо он более других подчеркивает в Бетховене его внутренний оптимизм, его упрямую волю к борьбе, его нежелание сдавать позиции. В минуты самых нестерпимых страданий Бетховен говорил: «Я хочу схватить судьбу за глотку. Ей не удастся совсем согнуть меня. О! Как это прекрасно, пережить жизнь тысячу раз!» Тема «Радости», которую Бетховен стремился воспевать всю жизнь, для которой он нашел гениальное воплощение в финале своей 9-й симфонии, победно и мужественно звучит у Клемперера. Даже

похоронный марш в 3-й (героической) симфонии лишен в его исполнении обычного пессимизма. Даже он окрашен в светлые тона.

Искусство Клемперера полно жизнеутверждающей силы. Отсюда — тесный контакт, который с первых же звуков возник между дирижером и нашей аудиторией...

Отто Клемперер остался, чрезвычайно доволен оркестром Всесоюзного радиокомитета. Этот превосходный коллектив действительно достоин всяческих похвал. И отрадно было наблюдать, как всякое творческое намерение мастера немедленно находило точный отклик в оркестре.

К сожалению, тремя концертами исчерпалась нынче наша встреча с крупнейшим дирижером. Он успел показать нам (и то неполно) одного лишь Бетховена. Хочется надеяться, что в следующий раз мы услышим в исполнении Клемперера и других композиторов. Клемперер — непревзойденный исполнитель Вагнера. Он — блестящий оперный дирижер и режиссер. Если бы Клемперер, который собирается в будущем сезоне снова посетить Москву, поставил «Кольцо Нибелунгов» Вагнера, это было бы долгожданным событием в музыкальной жизни нашей столицы. Замечательный музыкант, ставший вместе со многими представителями немецкой художественной интеллигенции сейчас изгнанныком, лишенным родины, всегда будет желанным гостем у нас в стране, где так горячо ценят подлинное искусство.